

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-90-108

УДК: 94

Т.Л. Лабутина

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
119334 г. Москва, Российская Федерация

Впечатления британского посла лорда Дж. Гиндфорда о пребывании при дворе императрицы Елизаветы Петровны

В рамках актуального направления исторической науки – имагологии – в статье на основе дипломатической переписки анализируются свидетельства британского посла лорда Дж. Гиндфорда о жизни и деятельности при дворе Елизаветы Петровны. Даются его характеристики императрицы и ее ближайших сподвижников – канцлера А.М. Бестужева-Рюмина и вице-канцлера М.И. Воронцова. Ряд приведенных Гиндфордом фактов из биографии канцлера ставят под сомнение беспринципность и искренность Бестужева-Рюмина в деле служения своему Отечеству. Анализ депеш посла позволяет составить представление не только о его профессиональной, но и негласной – разведывательной деятельности, а также познакомиться с бытовыми трудностями, с которыми он сталкивался в стране пребывания. Подобное исследование предпринимается в исторической науке впервые.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, XVIII век, международные отношения, история дипломатии, британский посол Дж. Гиндфорд, канцлер А.М. Бестужев-Рюмин

© Лабутина Т.Л., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License



ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лабутина Т.Л. Впечатления британского посла лорда Дж. Гиндфорда о пребывании при дворе императрицы Елизаветы Петровны // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 2. С. 90–108. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-90-108

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-90-108

T.L. Labutina

Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119334, Russian Federation

Impressions of the British Ambassador Lord J. Hyndford about the stay at the court of Empress Elizabeth Petrovna

Within the framework of the current direction of historical science – imagology, the article analyzes the testimonies of the British Ambassador Lord J. Hyndford about the life and activities at the court of Elizabeth Petrovna on the basis of diplomatic correspondence. His characteristics of the Empress and her closest associates – Chancellor A.M. Bestuzhev-Ryumin and Vice-Chancellor M.I. Vorontsov are given. A number of facts cited by Hyndford from the biography of the chancellor cast doubt on Bestuzhev-Ryumin's unscrupulousness and sincerity in serving his Fatherland. The analysis of the ambassador's dispatches allows us to get an idea not only about his professional, but also about his secret intelligence activities, as well as to get acquainted with the everyday difficulties he faced in the host country. This is the first time such research has been undertaken in historical science.

Key words: Great Britain, Russia, XVIII century, international relations, history of diplomacy, British Ambassador J. Hyndford, Chancellor A.M. Bestuzhev-Ryumin

FOR CITATION: Labutina T.L. Impressions of the British Ambassador Lord J. Hyndford about the stay at the court of Empress Elizabeth Petrovna. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 90–108. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-90-108

Проблема, к которой автор обращается в данной статье, изучается в рамках актуального и востребованного в последние годы в исторической науке направления. Речь идет об имагологии, предметом изучения которой являются межкультурные (инокультурные, кросс-культурные) коммуникации между различными странами, а также индивидуумами. Это направление, возникшее на Западе в середине XX в., в отечественной науке заметно активизировалось в последние десятилетия. В нашей стране появились теоретические статьи, а также монографические исследования по данной тематике¹. Важную роль в изучении различных проблем, связанных с имиджиологией/имагологией, играют ежегодные научные семинары в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН. Столь активное обращение к проблемам взаимовосприятия культур различных государств со стороны ученых обусловлено не в последнюю очередь их актуальностью.

Источниками для изучения восприятия «иной»/«чужой» культуры становятся, как правило, описания путешественников (травелогии), дневники, мемуары и служебные записки иностранцев о стране пребывания. Одним из таких источников для исследования взглядов иностранцев на Россию и русских в XVIII в. является дипломатическая переписка. К ее анализу автор не раз обращался при изучении деятельности резидентов в петровскую и екатерининскую эпохи [5; 6]. В предлагаемой статье автор останавливается на впечатлениях британского посла лорда Гиндфорда о своей миссии при дворе императрицы Елизаветы Петровны.

Джон Кармайкл, 3-й граф Гиндфорд (John Carmichael, 3rd Earl of Hundyford) родился 15 марта 1701 г. в Эдинбурге, в семье бригадного генерала Дж. Кармайкла. Послужной список Джона Гиндфорда был богатым. Свою карьеру он начал в пехотном гвардейском полку, получив чин капитана в 1733 г. А вскоре началось его возвышение по аристократическим «ступеням»: виконт, граф, баронет, барон, пэр Шотландии. Впечатляли должности, которые он занимал: верховный комиссар Генеральной ассамблеи церкви Шотландии, лорд-лейтенант Ланкашира. С 1742 г. началась дипломатическая деятельность Гиндфорда. Вначале он был назначен послом в Пруссию. По-видимому, эта миссия оказалась успешной, что способствовало его возведению в звание рыцаря чертополоха. Вскоре его избрали в парламент в числе 16 пэров от Шотландии.

¹ Среди недавно изданных работ, посвященных изучению историко-теоретических проблем компаративистики и имагологии, см. коллективные монографии (изданы под редакцией Т.Л. Лабутиной): «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб., 2019; «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. СПб., 2020; «Свои»/«Другие»/«Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., 2021.

После Пруссии Гиндфорд в должности посла прибыл в Россию, где провёл около шести лет, с 1744 по 1750 г. Наиболее активно он принимал участие в переговорах о субсидиях в 1747 г.

Как правило, британские послы, отправляясь в Россию, получали подробные инструкции от короля по поводу того, на что им следует обратить внимание прежде всего. Речь шла о расстановке политических сил в стране, характеристике высших должностных лиц, состоянии армии и флота, а также тех важных событиях, свидетелями которых они становились². Подобные инструкции от короля Георга II Ганновера получил и лорд Гиндфорд.

Остановившись на характеристике Елизаветы Петровны, Гиндфорд обращал внимание на ее подвижность, частые поездки в окрестности Петербурга, а также в Москву и подмосковные монастыри. На его взгляд, подобные перемещения мешали ее деятельности в управлении империей. «Императрица так недолго пребывает на одном месте, что трудно вести и исполнять дела», – сетовал посол³. Он жаловался, что трудно уловить момент, чтобы заставить императрицу подписать необходимые документы. Елизавета Петровна не любит менять текст в документах, поскольку, полагал Гиндфорд, «это причиняет ей беспокойство»⁴. В результате бумаги, которые лежат у нее на рассмотрении в течение нескольких недель, нередко оказываются затерянными или выброшенными, так что приходится копировать и переводить заново, и таким образом проходит много времени, прежде чем она прочтет и подпишет документы. «Ваше сиятельство, – жаловался Гиндфорд государственному секретарю лорду Честерфилду, – можете себе... представить, как трудно и неприятно вести о чем-либо переговоры с таким двором»⁵.

Нам представляется, что в отсутствии интереса к государственным делам упрекать Елизавету Петровну вряд ли было правомерно. О ее активной позиции в вопросах внешней политики писал С.М. Соловьев. «Во весь 1745 год императрица была очень занята делами внешними, – сообщал он, – по ним были частые доклады канцлера, происходили во дворце советы или собрания в присутствии императрицы, которая также иногда присутствовала инкогнито и при конференциях канцлера и вице-канцлера с министрами иностранными» [9, с. 336]. Таким

² Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 66. СПб., 1889. С. 362–363.

³ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 363.

⁴ Там же. С. 443.

⁵ Там же. С. 444.

образом, суждение британского посла об «отвращении к занятию делами» у императрицы, на наш взгляд, являлось явным преувеличением. Возможно, на его оценки по поводу медлительности прохождения дел в императорской канцелярии в какой-то мере оказывали влияние частые празднества, которые случались при дворе. «Праздники здесь наконец окончились, – сообщал Гиндфорд госсекретарю 30 января 1746 г. – Канцлер закончил блестящие увеселения масленицы роскошным обедом... для иностранных представителей, а вечером того же дня при дворе исполняли интермедию»⁶. В ноябре 1747 г. посол был вынужден отложить подписание важного документа, поскольку императрица в это время «развлекалась свадьбами и пустыми зрелищами»⁷.

В своих депешах Гиндфорд не раз упоминал о благожелательном к себе отношении со стороны императрицы. Так, Елизавета Петровна приглашала его погостить в свой загородный дом. Разрешила послу охотиться в своих угодьях. Нередко предлагала Гиндфорду сопроводить ее на представление комедии либо составить партию в карты. Посол признавал, что был признателен «за многие милости, отличия и любезности», постоянно оказываемые ему «великой государыней»⁸. Неоднократно императрица высказывала свое благожелательное отношение также к королю Великобритании, заявляя, что желает пребывать с ним «в тесном союзе и согласии»⁹. В свою очередь, Георг II уверял императрицу в искренней дружбе и уважении к ней¹⁰. Судя по всему, отношения между Англией и Россией в ту пору были неплохими.

В своих депешах Гиндфорд особое внимание уделял характеристикам министров императрицы. Он нелестно отзывался о Коллегии иностранных дел, называя ее служащих «коллекцией скотов (animals), которые по невежеству и лени, скорее мешают и запутывают дела, чем разрешают их...»¹¹. Посол сетовал на «пустоту, невежество и глупость»¹² русского двора, когда сталкивался с его неуступчивостью в переговорном процессе. Особое место в своих донесениях Гиндфорд отводил канцлеру А.П. Бестужеву, с которым он чаще всего имел дело.

⁶ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 15.

⁷ Там же. С. 443.

⁸ Там же. С. 211.

⁹ Там же. С. 95.

¹⁰ Там же. С. 109.

¹¹ Там же. С. 130.

¹² Там же. С. 151.

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766) – видный государственный и политический деятель, талантливый дипломат, незаурядная личность в окружении императрицы Елизаветы Петровны. Его деятельность на посту сначала вице-канцлера, а затем и канцлера не раз становилась предметом исследований российских историков [1–3]. Все ученые отмечали, наряду с профессиональными достижениями А.П. Бестужева, противоречивый характер его деятельности на посту канцлера. Как подчеркивали Л.В. Антонова и Т.А. Просвирина, Бестужев на протяжении 16 лет практически управлял Россией, причем делал это «продуманно и четко» [2, с. 149]. Его «уважали, боялись, временами ненавидели, признавали несомненный талант дипломата, отвагу и трудолюбие, но, вместе с тем, не отрицали и мстительность, коварность, честолюбие, скупость, что не мешало Бестужеву-Рюмину совершенно искренне и честно служить России» [Там же]. Каким же Бестужев представлялся британскому послу, с которым ему довелось близко сотрудничать и вести непростые переговоры?

Уже в первых своих депешах в Лондон Гиндфорд отмечал прочные позиции Бестужева при дворе, считая, что он был «в большой милости» у императрицы. Посол интересовался у своего руководства, не предлагал ли его предшественник Сирил Уич Бестужеву какие-либо деньги или подарки?¹³ Госсекретарь отвечал, что никакой дополнительной суммы на подарок графу Бестужеву после подписания оборонительного договора в 1741 г. [7, с. 51–65] Уич выделить не собирался. Между тем, канцлер утверждал, что посол обещал вручить ему «особый подарок» деньгами, рентой или чем-либо другим. Когда же он узнал, что англичане за подписание союзного договора ему ничего не предложили, он обратился к ним с неожиданной просьбой.

В одной из своих депеш Гиндфорд предлагал госсекретарю «оказать *нашему другу* (выделено нами. – Т.Л.) особые знаки благоволения, послав ему, кроме обычного подарка деньгами, портрет его величества, табакерку, шпагу, или какую-либо другую вещь»¹⁴. О каком друге шла речь? Оказалось, что этим человеком и являлся канцлер Бестужев. Британскому дипломату не хотелось, чтобы о нем стало известно при дворе императрицы, и потому он просил госсекретаря в переписке не упоминать его имени и «никогда, даже в шифре, не называть его иначе, как “нашим другом”»¹⁵. В том же донесении Гиндфорд и сообщил

¹³ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 61.

¹⁴ Там же. С. 315.

¹⁵ Там же. С. 110.

о просьбе «друга». Выяснилось, что еще в сентябре 1746 г. Бестужев обратился через посла к королю с просьбой о беспроцентном займе в 10 тыс. фунтов стерлингов сроком на 10 лет. Как писал Гиндфорд, в своем ходатайстве Бестужев напоминал, что он *«всегда был верным другом и слугой короля и британской нации»* (выделено нами. – Т.Л.), рискуя своей жизнью и состоянием; всегда отклонял выгоднейшие предложения со стороны врагов его королевского величества»¹⁶, а также никогда не принимал никаких подарков, которые ему предлагали. Но теперь канцлер надеется, что король не сочтет за дерзость, если он изложит ему свое бедственное положение и окажет поддержку. И далее Бестужев повествовал, в чем заключалась его беда. Дело в том, что императрица пожаловала Бестужеву поместья, прежде принадлежавшие графу А.И. Остерману, а также его большой дом. Канцлер, желая угодить императрице, перестроил и роскошно отделал дом, что ввело его, уже и без того обремененного долгами, в еще большие долги. Поэтому он совсем разорится, «если король не придет милостиво к нему на помощь»¹⁷.

Описывая ситуацию с займом, Гиндфорд, хотя и подтверждал достоверность «денежных затруднений» канцлера, однако считал исполнение его ходатайства в то время, когда послы и посланники короля около двух лет не получают жалованья, невозможным. Впрочем, вскоре Гиндфорду пришлось изменить свое мнение по этому поводу. Когда в 1747 г. начались переговоры о предоставлении корпуса русских войск для поддержки Великобритании в войне за Австрийское наследство (1740–1748), англичане вспомнили о Бестужеве и его просьбе. «Так как вы в этом деле... будете вести переговоры главным образом... с канцлером, – инструктировал госсекретарь посла, – то было бы уместно, если бы вы сказали ему, что просьба его о займе... доложена королю... Вы можете дать Бестужеву понять, что лучший способ побудить короля оказать ему это особое проявление королевской милости... расположить императрицу к заключению договора на разумных основаниях»¹⁸. Тогда-то Гиндфорд со своей стороны начал поддерживать ходатайство канцлера о его «скромной просьбе». В свою очередь, как отмечал посол, канцлер предпринимал определенные шаги, «чтобы уговорить царицу понизить свои требования» в размере субсидии, которую должны были

¹⁶ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 111.

¹⁷ Там же. С. 112.

¹⁸ Там же. С. 121.

выплатить англичане за корпус русских войск. При этом Бестужев всякий раз напоминал о своей просьбе по поводу займа¹⁹.

Гиндфорд, являясь свидетелем усиления влияния Бестужева в переговорах о русском корпусе, неоднократно напоминал госсекретарю, что королю следовало бы пойти навстречу канцлеру, исполнив его просьбу с тем, чтобы заручиться поддержкой столь «могущественного друга». Бестужев пользуется таким уважением императрицы, продолжал посол, и обладает такой властью, какой никогда не имел ни один из русских министров. Однако король не спешил удовлетворить просьбу канцлера. В депеше от 7 апреля 1747 г. Честерфилд писал Гиндфорду: «По отношению к просьбе канцлера я сообщаю вам, что его величество весьма хорошо расположен к этому министру и готов проявить ему доказательство своей милости, когда это будет возможно; но... при настоящем положении дел... невозможно теперь же удовлетворить Бестужева» в том, о чем он просит²⁰. Гиндфорд продолжал убеждать госсекретаря, приводя в качестве аргумента, что Бестужев «мог бы иметь вдвое более от других держав»²¹, но желает обратиться лишь к королю Великобритании. Однако добиться желаемой цели у посла никак не получалось. В очередной секретной депеше от 28 апреля 1748 г. Честерфилд сообщал, что хотя король и не может выполнить просьбу канцлера, тем не менее он желает оказать ему «особое проявление своей милости»²², выделив после подписания в 1747 г. субсидной конвенции сумму в 5 тыс. фунтов стерлингов²³. Примечательно, что из указанной суммы госсекретарь предлагал выделить часть денег на официальный подарок по случаю заключения договора, а оставшуюся часть передать канцлеру частным образом.

Гиндфорд хорошо понимал, что подобное предложение вряд ли устроит канцлера. Он опасался, что тот откажется и дальше оказывать англичанам содействие в переговорах. «Если мне придется сказать канцлеру, что в настоящее время король не в состоянии удовлетворить его просьбу, – писал посол Честерфилду, – то он примет это за отказ и попытается получить эту сумму где-либо в другом месте, и тогда мы уже навсегда

¹⁹ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 189.

²⁰ Там же. С. 255–256.

²¹ Там же. С. 268.

²² Там же. С. 287.

²³ Речь шла о выплате англичанами субсидии императрице за русский корпус, нанятый для защиты от Пруссии территорий принадлежащего королю Ганновера в период войны за Австрийское наследство 1740–1748 гг.

потеряем его»²⁴. Чтобы этого не допустить, Гиндфорд предлагал утаить получение им неблагоприятного для канцлера ответа из Лондона, а пока обсудить вопрос о выдаче ему хотя бы половины денег, о которых просил Бестужев. Но руководство Британии продолжало упорствовать. Посол снова и снова просил удовлетворить просьбу канцлера, подчеркивая, что тот может либо оказать королю большую услугу, либо повредить делам его величества. «Я прекрасно вижу, что он замедляет выдачу ответов по разным нашим делам... пока его просьба не будет удовлетворена»²⁵, – свидетельствовал Гиндфорд. На это король советовал послу «заставить этого министра немного подождать»²⁶. В то же время Георг II вновь предлагал выделить Бестужеву 5 тыс. фунтов под то обеспечение, которое он ему предлагал.

Однако Бестужев отказался принять указанную сумму. О том, как это произошло, Гиндфорд поведал в секретной депеше Честерфилду 25 августа 1747 г. Во время беседы с канцлером посол убедился, что тот находится в очень дурном расположении духа из-за того, что не получил остальных 5 тыс. фунтов стерлингов из суммы, о которой просил. Он думал, продолжал Гиндфорд, что «услуги, оказанные им при всякого рода случаях нашему двору» (выделено нами. – Т.Л.), дают ему надежду ожидать благоприятного ответа на его первую и единственную просьбу, а потому был весьма огорчен, встретив массу затруднений. Ему весьма жаль, что он вообще обратился с этой просьбой. Затем Бестужев заявил, что не может принять эти 5 тыс. фунтов стерлингов без залога со своей стороны, тем более, что эта сумма не составляет даже и четверти стоимости дома и не облегчает его долгов даже наполовину. Гиндфорд пытался уговорить канцлера, обещая, что король расположен к нему, и, как только будет возможно, вторая часть займа будет передана ему, В свою очередь, Бестужев уверял посла «в своей преданности королю и королевской семье, которым он имел честь служить, как слуга, а затем как полномочный министр ганноверского двора к императору Петру»²⁷. Он перечислял все услуги, которые когда-либо оказывал британскому двору, и постоянные случаи противодействия, проявляемого им по отношению к французской партии и другим дворам; он обещал Гиндфорду сделать все, что в его власти, чтобы возместить все убытки

²⁴ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 331–332.

²⁵ Там же. С. 331.

²⁶ Там же.

²⁷ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 333.

англичан в торговых операциях и восстановить их торговлю с Персией. Взамен канцлер просил только о беспроцентном займе, а не о подарке, «ибо хочет иметь свои руки и совесть всегда чистыми»²⁸. От себя посол добавлял, что канцлер «весьма капризен и упрям, а нужды его так велики, что ни убеждения, ни отговорки не имеют на него никакого влияния»²⁹, а потому, чтобы важные переговоры, зависящие от русского двора, были доведены до благоприятного исхода, следует прислушаться к его просьбе. Король «может потерять единственного друга, которого имеет при этом дворе, и наши дела вместо того, чтобы идти вперед, обратятся вспять», – заключал Гиндфорд³⁰.

Эпопея с займом завершилась в ноябре 1747 г., о чем Гиндфорд не преминул известить лорда Честерфилда. В секретной депеше посол сообщал, что Бестужев вынужден был занять 50 тыс. руб. у британского консула Вольфа под залог своего дома. К своему письму посол приложил «как диковину»³¹ закладную, данную консулу Вольфу. В России, разъяснял Гиндфорд, принято на каждую, даваемую под закладную, тысячу рублей представить одного свидетеля. «Поэтому, – продолжал посол, – канцлер пригласил 50 (?) человек своих главных врагов при дворе, которые все должны были, как свидетели, подписаться под этим актом. Его политикой в этом случае было желание предупредить подозрение, что он получил эти деньги как подарок, и показать своим врагам, что он очень беден»³². И далее следовал текст упомянутой закладной. «1747 [г.] ... ноября я, канцлер, граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, взял взаймы у английского консула Якова Вольфа сумму в пятьдесят тысяч рублей сроком на десять лет... Взамен этого я... заложил мой каменный дом, находящийся здесь в С.-Петербурге на адмиралтейской набережной реки Невы... В случае, если я... моя супруга, дети или наследники, не будут в состоянии уплатить означенной суммы, взятой взаймы у английского генерального консула Вольфа... он... и его наследники, по истечении установленного в законе срока, свободны располагать моим означенным домом, продать или заложить его...»³³. Далее следовали подписи свидетелей, в числе которых были граф Михаил Воронцов, князь Белосельский, Степан Апраксин, граф Разумовский. Подводя итоги эпопеи с займом, посол заключал: «Я весьма доволен,

²⁸ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 373.

²⁹ Там же. С. 374.

³⁰ Там же. С. 375.

³¹ Там же. С. 453.

³² Там же.

³³ Там же.

что его величеству благоугодно было помочь канцлеру – этому доброму человеку, и я думаю, что он *окажется весьма полезным для королевской службы*» (выделено нами. – Т.Л.)³⁴.

Анализируя факты, связанные с просьбой Бестужева о займе, невольно задаешься вопросом, а чем канцлер предполагал ответить в случае ее исполнения? Осуществлял ли он какие-либо действия, направленные в интересах британцев? В своей переписке с госсекретарем Гиндфорд не раз упоминал, что Бестужев оказывал английской стороне определенные услуги³⁵. Так, однажды, возвратившись от канцлера в 11 часов вечера, посол заверял Честерфилда в том, что добился от Бестужева, чтобы требования императрицы о сумме по субсидии были «сильно уменьшены»³⁶. 3 января 1747 г. Гиндфорд убеждал госсекретаря в том, что, если бы не расположенный к англичанам Бестужев, то ему никогда не удалось бы убедить царицу предоставить требуемый русский корпус³⁷. Посол полагал, что «этот джентльмен» и в будущем сможет доказать свою благодарность королю, «сделав все, что в его силах, для удовлетворения его величества»³⁸.

И действительно, Бестужев не только поддерживал требования англичан о субсидных конвенциях, но и убеждал императрицу согласиться на включение в третий субсидный договор сепаратной и секретной статьи, в соответствии с которой Россия должна будет напасть на Пруссию в случае, если та предпримет агрессивные действия против Великобритании и ее союзников. Этим обстоятельством, писал Гиндфорд, его величество обязан «исключительно искусному приему Бестужева, который с каждым днем все ближе принимает к сердцу служение интересам его величества и его союзников, что впрочем, является и его долгом»³⁹. Посол убеждал госсекретаря поддержать перед королем просьбу канцлера о займе, поскольку расценивал его действия как полезные для англичан. В депеше от 11 декабря 1747 г. Гиндфорд писал: «Несмотря на все замедления здешнего двора, я ни в чем не могу упрекнуть канцлера; напротив того, если бы он втайне не заботился и не оказывал нам, не показывая на самом деле вида, поддержки, насколько было в его

³⁴ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 454.

³⁵ Там же. С. 164, 173, 188.

³⁶ Там же. С. 164.

³⁷ Там же. С. 173.

³⁸ Там же. С. 420.

³⁹ Там же. С. 469.

силах, мы не были бы в состоянии довести дело до полного развития и т.к. в дальнейшем *нам еще могут потребоваться его услуги* (выделено нами. – Т.Л.), то я надеюсь, что его величество будет так милостив, что прикажет окончить его дело...»⁴⁰.

Надо отметить, что Бестужев оказывал поддержку англичанам не только в переговорах о заключении субсидных конвенций (в части уменьшения требуемой императрицей за корпус денежной суммы; в ускорении прохождения документов для ратификации, скорейшей отправке корпуса и т.д.), но и в коммерческих делах.

Как известно, торговля в отношениях Англии и России играла важную роль. Англичане, получавшие большие дивиденды от торговли в России, сумели добиться заключения торгового договора еще при Анне Иоанновне в 1734 г. Срок его действия в правление Елизаветы Петровны истекал, а потому британская дипломатия стремилась добиться пролонгации торгового договора. В одной из депеш Гиндфорд с удовольствием сообщал госсекретарю, что голландский посланник не сумел добиться заключения торгового договора и приобрести такие же привилегии, которыми в России пользуются англичане. «Ни Голландия, ни иная страна не может рассчитывать на это», с удовлетворением заключал посол⁴¹. В то же время Гиндфорд был вынужден признать, что определенные трудности в торговых отношениях между странами имели место.

9 декабря 1746 г. посол сообщал госсекретарю о возникших сложностях у подданных его королевского величества, ведущих торговые дела в России, по поводу договора о железе. В ответном послании Честерфилд выражал свое удивление, что императрица лишила британских подданных торговой отрасли, закрепленной за ними 8-й статьей договора и просил от имени короля «самым убедительным образом» представить русским министрам, а в особенности Бестужеву, который «был ходатаем и автором этого договора», необходимость данное постановление уничтожить тотчас же⁴². Посол предпринимал все возможные меры, чтобы исполнить указанное поручение руководства (даже в частной беседе с императрицей на куртаге заговорил о недовольстве англичан нарушениями договора о железе), однако положительного ответа от русской стороны добиться не смог.

⁴⁰ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 477.

⁴¹ Там же. С. 20.

⁴² Там же. С. 157–158, 183–184.

Жалобы английских купцов на притеснения, «претерпеваемые ими вследствие неисполнения Россией... договора относительно значительного количества железа... недоставленного им согласно с их контрактами»⁴³, продолжали поступать королю и в следующем году. Английские коммерсанты ходатайствовали также перед русским двором о защите их в Персии, где произошел мятеж против шаха Надира. Они просили выделить им два корабля для перемещения с имуществом в какое-нибудь безопасное место, пока не прекратятся смуты. Россия пошла навстречу британской стороне и предприняла ряд мер, чтобы защитить английских коммерсантов в Персии. Король остался доволен, но, в то же время, приказал воспользоваться «недавней щедротой, оказанной графу Бестужеву», настоять на том, чтобы торговый договор был «немедленно восстановлен в своей первоначальной силе»⁴⁴. Посол на это ответил, что примет все необходимые меры, чтобы торговый договор начал действовать в полном объеме. Однако этого не произошло [8, с. 124–133], хотя Бестужев всячески тому содействовал. Торговый договор 1734 г. был пролонгирован лишь в правление Екатерины II в 1766 г. [5, с. 73–110].

Итак, как мы могли убедиться, деятельность канцлера А.М. Бестужева-Рюмина при дворе Елизаветы Петровны была неоднозначной и противоречивой. С одной стороны, он защищал интересы Отечества, когда проводил внешнюю политику, направленную на усиление могущества России на международной арене. С другой стороны, как показал анализ переписки представителей британской дипломатии, Бестужев нередко поддерживал англичан. Особенно наглядно это было видно из его действий, направленных на ускорение переговоров о субсидиях. Какими мотивами, помимо личной выгоды, он при этом руководствовался, остается только догадываться.

Противником курса внешней политики Бестужева являлся вице-канцлер М.И. Воронцов. Граф Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767) известный государственный деятель, дипломат, которому обязан своим возвышением род Воронцовых [2, с. 160–166]. Он был одним из активных участников дворцового переворота 1741 г., с 1744 г. занимал пост вице-канцлера, а в 1758–1765 гг. стал канцлером Российской империи. Воронцов не только выступал против участия России в войне за Австрийское наследство, но и являлся противником предоставления русского вспомогательного корпуса, предлагая ограничиться финансовой помощью англичанам в размере 450 тыс. руб.

⁴³ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 183.

⁴⁴ Там же. С. 322, 323, 353, 382.

в год [4, с. 97]. Неудивительно, что в своих депешах Гиндфорд давал Воронцову не столь блестящие характеристики, как Бестужеву.

Внимательно наблюдая за расстановкой сил при русском дворе, посол отмечал, что «кредит» Воронцова с каждым днем уменьшается, объясняя это «существующими подозрениями», будто вице-канцлер замешан в опасных замыслах лейб-медика И.Г. Лестока и О. Брюмера. «Надеюсь, что скоро пришло... известие о падении этих трех недостойных людей», – писал Гиндфорд госсекретарю 8 ноября 1746 г.⁴⁵ Он подчеркивал, что благодаря ходатайствам Бестужева царица скрыла от вице-канцлера план военных приготовлений и обещание предоставить военный корпус англичанам. «Таким образом, вице-канцлер лишен возможности знать все секреты», – с радостью докладывал в Лондон посол⁴⁶. И действительно, Воронцова не приглашали на совещания, на которых обсуждались вопросы, связанные с военной кампанией, его мнения по другим вопросам спрашивали лишь «для проформы». Между тем, вице-канцлер пытался помешать Бестужеву проводить тот курс внешней политики, который во многом отвечал интересам англичан. «Вы с трудом можете себе представить, – писал Гиндфорд Честерфилду 3 января 1747 г., – все те препятствия, которые стремился создать нам на пути вице-канцлер Воронцов, и, если бы не расположенный к нам Бестужев, то я никогда не был бы в состоянии убедить царицу дать нам... корпус»⁴⁷. Однако Воронцов не сдавался, продолжая возражать против предоставления англичанам корпуса, что заставило посла признать его «открытым врагом» Бестужева. Гиндфорд полагал, что Бестужеву придется подписать субсидный договор одному и в таком случае его доля подарка увеличится за счет денег, причитающихся вице-канцлеру.

Был ли Воронцов принципиальным противником проанглийского курса Бестужева или действовал в интересах Пруссии, как в том его нередко упрекали недруги и открытые враги? Гиндфорд свидетельствовал: «Воронцов весьма беден и не совсем неподкупен в денежном отношении»⁴⁸, значит, его можно использовать при определенных обстоятельствах, если это будет отвечать «требованиям королевской службы»⁴⁹. О том, что Воронцов получал пенсioen от прусского двора,

⁴⁵ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 125.

⁴⁶ Там же. С. 140

⁴⁷ Там же. С. 173.

⁴⁸ Там же. С. 514.

⁴⁹ Там же. С. 515.

писал представитель Пруссии в России Финкенштейн [9, с. 493]. Однако позднее эти слухи о подкупе Воронцова были опровергнуты [2, с. 162]. Как бы то ни было, Воронцов являлся противником проанглийского курса внешней политики Бестужева, поскольку его собственные симпатии склонялись скорее на сторону Франции и Пруссии. Быть может, именно этим обстоятельством объяснялось столь прохладное отношение к нему самой императрицы.

Анализ донесений британского посла свидетельствовал не только об официальной, но и его неофициальной, разведывательной деятельности при дворе Елизаветы Петровны. Тесное общение с канцлером Бестужевым, а также рядом других высокопоставленных чиновников позволяло Гиндфорду поставлять в Лондон секретную информацию не только о первых лицах в управлении, но и о состоянии вооруженных сил Российской империи. В одном из донесений Гиндфорд обещал госсекретарю передать с купцом, отправляющимся в Лондон, копию точного списка судов российского флота. Не прошло и недели, как этот список был переправлен руководству. «Ваше превосходительство получите... точный список морских сил здешней империи, – писал посол, – список, который мне удалось достать не без некоторых затрат с моей стороны и не без риска для иных лиц»⁵⁰. Гиндфорд настойчиво просил госсекретаря держать данную информацию в секрете и выражал надежду, что в скором времени сможет прислать описание галер. «Несколько времени тому назад, – продолжал посол, – я послал... описание русской армии, которое, я надеюсь, благополучно доставлено вам в руки»⁵¹. И далее прилагал список русских военных судов. В конце списка посол добавлял: «Строятся в настоящее время в Петербурге одно 99-ти пушечное судно и одно 66-ти пушечное. В Архангельске: два 32-х пушечных судна. Судно “Петр Великий” разобрано, и мы не знаем, будут ли его перестраивать или нет. “Императрица Анна” сдано в настоящее время в тимберовку (капитальный ремонт деревянного судна. – Т.Л.), чтобы сделать его еще 3–4 года годным к службе. “Св. Александр” прослужит еще года 3. “Слава России” считается негодным к службе на линии, но тимберуется для обращения в госпитальный корабль (самое большое прослужит еще 2 года). “Новая Надежда” негодна к службе. Архангельские суда все в исправности»⁵². В марте следующего года Гиндфорд направил в Лондон информацию о галерах, пригодных к службе.

⁵⁰ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 8.

⁵¹ Там же. С. 9.

⁵² Там же. С. 9–12.

Таковых он насчитал 79, указав также количество матросов на веслах. К указанным галерам посол присовокупил еще 20, обратив внимание на то, что пока они «негодны к службе», но в случае необходимости могут совершить плавание до Кронштадта.

Гринфорд продолжал поставлять секретную информацию о состоянии вооруженных сил России и тогда, когда между сторонами полным ходом шли переговоры о субсидных конвенциях. Так, 13 июня 1747 г. он докладывал Честерфилду, что в Кронштадте находятся 23 военных судна: одно – стоорудийное, одно судно с 80 пушками, одно – с 70, 15 судов имеют по 66 пушек, пять – по 54 орудия, кроме того – 4 фрегата, 2 прама, 3 бомбардирских судна, 2 брандера. В Ревеле находится 7 военных судов: одно с 66 орудиями, четыре с 66 пушками, еще четыре вооружены 54 орудиями, два судна – по 32 орудия каждое.

Кто поставлял послу столь подробную информацию о вооруженных силах? Оказывается, что одним из таких источников являлся канцлер Бестужев. Так, он обещал Гиндфорду представить точные сведения о корпусе из 30 тыс. чел., с указанием полков, а также пограничных пунктов, где они расквартированы. Были у посла и анонимные источники, о которых он предпочитал не распространяться⁵³.

Примечательно, что британский посол интересовался не только состоянием российских войск. В депеше от 21 ноября 1747 г. он сообщал госсекретарю: «Во исполнение моих первых инструкций, я постарался узнать, какие именно открытия делало здешнее правительство на северо-восточной окраине России, и мне посчастливилось достать копию журнала и карту знаменитого капитана Беринга, который взял на себя исследование Камчатского берега и островов, лежащих по направлению к Японии; я надеюсь быть в состоянии послать их вашему сиятельству со следующим курьером; но это надо держать в секрете», ибо, если это станет известно, то многие будут отправлены отсюда оканчивать свои дни в ссылке⁵⁴. Как видно, посла интересовали планы российского правительства, направленные на освоение Россией новых территорий.

Миссия Гиндфорда подходила к завершению. Добившись заключения субсидных конвенций, а через это втягивания России в войну за Австрийское наследство на стороне Великобритании, по сути, за чужие интересы, посол счел свое дальнейшее пребывание при русском дворе излишним. Он стал хлопотать перед руководством об отзыве. Все чаще и чаще в его депешах в Лондон звучали сетования на те сложности в работе,

⁵³ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 329–330.

⁵⁴ Там же. С. 452.

которые ему приходилось испытывать. Гиндфорд жаловался на медлительность работы канцелярии и принятия решений императрицей и ее министрами. Посла беспокоило, что его корреспонденция подвергается перлюстрации⁵⁵. Возмущала дороговизна в стране и задержки с выплатой жалованья со стороны своего департамента. «Жизнь здесь крайне дорога, и моего жалованья не достаёт даже при аккуратной его выплате», – писал Гиндфорд госсекретарю 22 марта 1746 г.⁵⁶ По-видимому, его начальство не торопилось с выплатой жалованья, и посол должен был влезать в долги. «Я опять вынужден напомнить... о том плохом материальном положении, в котором я нахожусь, не имея даже кредита. ...Поэтому покорно прошу ваше превосходительство похотатайствовать за меня перед королем, чтобы получить от него повеление об уплате моих долгов», – докладывал Гиндфорд в другом своем послании⁵⁷. Посол жаловался, что из-за недостатка средств, которые ему крайне нерегулярно выплачивало казначейство, он порой не мог выполнять свою работу должным образом. Так, он писал госсекретарю, что вряд ли сможет сопровождать в Ревель императрицу, наравне с другими послами, поскольку его ресурсы не позволят совершить подобное путешествие.

Большие неудобства доставлял Гиндфорду суровый климат России. Уже в первые месяцы своего пребывания в стране он писал госсекретарю: «Хотя до сих пор я не могу пожаловаться на свое здоровье, но не прочь был бы оставить свой пост здесь, если бы его величество пожелал перевести меня куда-нибудь южнее...»⁵⁸. Когда же дело с заключением договора о субсидии застопорилось, Гиндфорд, как он выразился, «заболел сплином», написав Честерфилду, что более, чем когда-либо желает «переменить свою должность на другую в более теплом климате и при менее дорогом дворе...»⁵⁹.

Хотя жизнь британского посла в России, как оказалось, была непростой, но он сумел выполнить свою миссию успешно. И вскоре начальство откликнулось на его просьбу. В 1749 г. Гиндфорд покинул свой пост в России и возвратился на родину. Спустя три года его направили в Вену, где он прослужил в ранге посла до 1764 г. Это было последнее назначение дипломата. После дипломатической карьеры Гиндфорд

⁵⁵ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 60, 461.

⁵⁶ Там же. С. 28.

⁵⁷ Там же. С. 28, 33, 251.

⁵⁸ Там же. С. 28.

⁵⁹ Там же. С. 210.

заялся делами военными: с 1764 г. вплоть до своей кончины в 1767 г. он занимал пост вице-адмирала Шотландии.

Анализ дипломатической переписки Гиндфорда с госсекретарем Великобритании показал, с одной стороны, незаурядные способности дипломата в ведении сложных переговоров, умение добиваться своих целей любыми способами, вплоть до шантажа и подкупа высокопоставленных российских чиновников, с другой – продемонстрировал истинные цели британской дипломатии: преследование собственных интересов, невзирая ни на какие союзнические договоренности. В результате подобной политики Великобритания сумела втянуть Россию в войну за чужие интересы. Депеши посла познакомили не только с профессиональной и разведывательной его деятельностью, но и с частной жизнью, что позволило составить более полное представление о жизни дипломатов в России. Наблюдения посла за расстановкой сил при дворе Елизаветы Петровны, а также ее высокопоставленными чиновниками дают возможность по-новому взглянуть на ряд фактов в истории дипломатии и российско-британских отношений середины XVIII в. в целом.

Библиографический список / References

1. Анисимов М.Ю. Елизавета Петровна. М., 2001 [Anisimov M.Yu. Elizaveta Petrovna [Elizabeth Petrovna]. Moscow, 2001.]
2. Антонова Л.В., Просвинова Т.А. История дипломатии России. М., 2010. [Antonova L.V., Prosvirova T.A. Istoriya diplomatii Rossii [History of Russian diplomacy]. Moscow, 2010.]
3. Григорьев Б.Н. Бестужев-Рюмин. СПб., 2013. [Grigoryev B.N. Bestuzhev-Ryumin [Alexey Petrovich Bestuzhev-Ryumin]. St. Petersburg, 2013.]
4. История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войны России против Наполеона). М., 1998. [Istoriya vneshnej politiki Rossii. XVIII vek (Ot Severnoj vojny do vojny Rossii protiv Napoleona) [The history of Russia's foreign policy. XVIII century (From the Northern War to the War of Russia against Napoleon)]. Moscow, 1998.]
5. Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. [Labutina T.L. Britanskie diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie [British diplomats and Catherine II. Dialogue and confrontation]. St. Petersburg, 2019.]
6. Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. [Labutina T.L. Britancy v Rossii v XVIII veke [The British in Russia in the XVIII century]. St. Petersburg, 2013.]
7. Лабутина Т.Л. Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 51–65. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65 [Labutina T.L. Strategy and tactics of British diplomacy at the negotiations on the Union treaty with Russia in 1741. *Locus: People, Society, Cultures*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 51–65. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65]

- Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 51–65. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65 (In Rus.)]
8. Медведев Ю.С. Русско-английские отношения в середине XVIII века (1748–1763): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. [Medvedev Yu.S. Russko-anglijskie otnosheniya v seredine XVIII veka (1748–1763) [Russian-English relations in the middle of the XVIII century (1748–1763)]. PhD dis. Moscow, 2005.]
 9. Соловьев С.М. Сочинения. Книга XI. История России с древнейших времен. Т. 22. М., 1993. [Solovyev S.M. Sochineniya. Kniga XI. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen [Essays. Book XI. The History of Russia since ancient times]. Vol. 22. Moscow, 1993.]

Статья поступила в редакцию 22.01.2023, принята к публикации 15.03.2023
The article was received on 22.01.2023, accepted for publication 15.03.2023

Сведения об авторе / About of author

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока, Институт всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва

Tatyana L. Labutina – Dr. Hab. In History, Professor; Chief Researcher, Head at the Center for the History of Intercultural Communications of the Countries of the West and East, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru